

УДК 94(47+57)«1918/1957»
ББК 63.3(235)6

ЖЕНЩИНЫ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1953 ГОДАХ

С.В. Мордвинов

В статье показан вклад женщин различного социального положения и возраста в возрождение православия в Сталинградской области в 1943–1953 гг.: участие в открытии храмов, в налаживании приходской жизни, возобновлении паломничества к водным источникам региона, сохранении традиций народного православия. Автор приходит к выводу о том, что именно женщины составляли большинство актива верующих Сталинградской области, под влиянием которых укрепились позиции православной церкви в советском обществе.

Ключевые слова: женщины и религия, Русская православная церковь, монахини, народное православие, паломничество к водным источникам, религиозные праздники.

В истории государственно-церковных отношений в СССР в 1943–1953 гг. современными исследователями всесторонне изучены причины изменения вероисповедного курса советского правительства, освещена патриотическая деятельность Русской православной церкви (далее – РПЦ) в годы Великой Отечественной войны, дана характеристика региональных особенностей восстановления отдельных православных епархий (Сталинградской епархии в том числе), выстраивания взаимоотношений местных органов власти и духовенства [12; 14–16]. Однако до настоящего времени вопрос о том, какие социальные группы принимали участие в возрождении православия на Нижней Волге, каков вклад женщин в этот процесс, остается малоизученным.

В период Сталинградской битвы на прифронтовой и оккупированной территории области возобновляют работу 16 православных церквей и молитвенных домов. На 1 июля 1944 г. уже действовало 18 приходов в Сталинградской области [14, с. 119]. Свидетельством широкого религиозного подъема стала активная подача ходатайств верующих об открытии храмов в 1943–1950-х гг. в органы вла-

сти. Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Сталинградской области (далее – СДРПЦ) С.Б. Косицын в отчетах Совету подчеркивал, что во многих случаях прошения об открытии церквей в области подписывали женщины 1910–1914 гг. рождения, которые молились за своих мужей, как живых, находившихся на фронте, так и погибших [5, л. 3]. Хотя иногда и молодежь активно участвовала в таких акциях. Так, на заявлении 1945 г. об открытии церкви в с. Житкур Эльтонского района стояло 400 подписей. Из них 35 % принадлежало молодежи, в том числе и комсомолкам [1, с. 292].

На 1 февраля 1945 г. из 75 районов Сталинградской области такие заявления поступили из 69 районов [1, с. 301–309, 310; 14, с. 254]. В Хоперском и других районах верующие требовали от местных властей возврата им закрытых в 1930-х гг. церквей [6, л. 12]. Под давлением верующих процесс ограниченного открытия храмов в области шел по восходящей до 1947 года. На 1 января 1947 г. в области было зарегистрировано 42 православных храма (29 церквей и 13 молитвенных домов). Из них не действовали продолжительное время (от 5 месяцев до года) 8 культовых зданий из-за отсутствия духовенства. В течение 1947 г. поступило к уполномоченному 19 заявлений об открытии церквей, в 1948 г. – 24, 1949 – 17, 1950 – 9, 1951 – 8, 1952 – 8, но

все они были отклонены [16, с. 255–256, 262]. На рубеже 1940–1950-х гг. уполномоченный вновь отмечал, что ходатайствуют об открытии храмов в основном женщины [9, л. 16]. В документах иногда встречаются имена активных верующих. В частности, в г. Калачна-Дону в 1943 г. был открыт Никольский молитвенный дом благодаря Д.И. Патриной (1881 г. р.), которая до середины 1950-х гг. была бессменной помощницей церковного старосты [13, л. 129].

В отчетах уполномоченного зачастую подчеркивалась большая роль монахинь закрытых монастырей Нижней Волги и Дона в организации подачи заявлений об открытии храмов в Молотовском, Вязовском, Сарпинском и других районах в течение ряда лет. Так, монахини бывшего Усть-Медведицкого монастыря (г. Серафимович) организовывали сбор подписей под заявлениями об открытии церкви в ст-це Скуришенской Кумылженского района: в 1947 г. – 1 заявление (170 подписей); в 1948 г. – 1 заявление (40 подписей); в 1949 г. – 1 заявление (20 подписей); в 1951 г. – 1 заявление (25 подписей). В с. Березовка Вязовского района: в 1949 г. – 1 заявление (20 подписей); в 1950 г. – 1 заявление (5 подписей); в 1951 г. – 2 заявления (по 20 подписей). Организаторы заявлений – монахини бывшего Краишевского монастыря [2, л. 113].

В связи с малочисленностью открытых храмов в области верующие собирались по домам на нелегальные богослужения. В 1943–1953 гг. такие службы проходили под руководством монахинь бывших монастырей в Балыклейском, Добринском, Дубовском, Еланском, Ждановском, Иловатском, Калачовском, Киквидзенском, Ждановском, Мачешанском, Михайловском, Лемешкинском, Ольховском, Раковском, Сарпинском, Сиротинском, Фрунзенском, Эльтонском районах Сталинградской области [1, с. 49, 289, 298; 8, л. 70].

Одной из причин медленного открытия, а затем и снятия с регистрации открытых храмов в Сталинградской области стала острая нехватка кадров православного духовенства, подвергшегося в 1920–1930-х гг. массовым репрессиям. В таких условиях рост влияния монахинь среди верующей части населения области был объективно предопределен. Начиная со II квартала 1945 г. верующие систе-

матически ходатайствовали о регистрации для церковных служб вместо священников монахинь. Как отмечала О.Ю. Редькина, такой шаг вряд ли был возможен не только по причине нарушения канонических правил, но и в связи с тем, что среди монахинь было довольно широко распространено негативное отношение к патриаршей церкви, которую они считали «безблагодатной и не свободной от государства» [16, с. 266].

Однако вряд ли взаимоотношения монахинь и епархиальных властей были только негативными. Весной 1947 г. архиепископ Филипп ходатайствовал перед властями и Московской патриархией о восстановлении женского монастыря в Серафимовиче, где проживало 50 монахинь. Помещения бывшего Усть-Медведицкого монастыря использовались районной электростанцией; церковь была разрушена, остался один небольшой дом, сохранена ограда монастырского кладбища. В восстановлении монастыря было отказано [18, л. 66].

В начале 1950-х гг. в приход Казанской церкви Сталинграда входило 60 бывших монахинь, в приход Успенской церкви Сталинграда – 12, в г. Серафимовиче – 40, в Камышине – до 15, в г. Урюпинске – до 10. Они выполняли обязанности псаломщиков, пономарей, алтарщиц, были просфорницами, певчими в хорах. В частности, в Казанской церкви один из хоров состоял только из 10 бывших монахинь. В начале 1950-х гг. некоторые монахини ходили по селам и исполняли религиозные требы на домах верующих: в Сталинграде – 10, Серафимовиче – 7, Камышине – 3. Монахини не только проводили в домах верующих церковные чтения, богослужения, но и служили панихиды на кладбищах, крестили младенцев [13, л. 128, 133].

Проблема нехватки подготовленных церковнослужителей, особенно псаломщиков, с позволения епархиального руководства решалась следующим образом: была распространена практика исполнения псаломщицких обязанностей не только монахинями, но и вдовами священников и прихожанками. В частности, Ниссова Людмила Александровна с 1944 г. была вольнонаемным псаломщиком в Троицком молитвенном доме г. Ленинска; Агаркова Ирина Даниловна – в Покровской церкви с. Заплавное Средне-Ахтубинского

района с 1945 г.; Тищенко Пелагея Семеновна – в Покровском молитвенном доме с. Средняя Ахтуба с 1948 г.; Титкова Параскева Ивановна – в Серафимовском молитвенном доме п. Котельниково с 1949 года [17, л. 19].

Интерес к религии и церкви проявляли не только престарелые женщины, но и девушки. В середине 1940-х гг. в Покровской церкви г. Урюпинска 12 девушек образовали в приходе сестричество, которое помогало поддерживать порядок и тишину во время богослужения в храме [1, с. 312].

Новым явлением в социокультурной жизни общества, начиная с середины 1940-х гг., свидетельствующим о религиозном подъеме, стало массовое, открытое празднование христианских праздников – Рождества и Крещения Христова, Пасхи. До 1948 г. религиозные праздники отмечались почти во всех селах области, даже где не было открытых церквей, благодаря монахиням [1, с. 297, 314–315; 2, л. 104]. Среди верующих, принимавших непосредственное участие в праздничных богослужениях, большинство составляли женщины [1, с. 318].

Во второй половине 1940-х гг., когда засуха стала ежегодной, крестьянки и монахини возродили традицию молебнов на полях о даровании дождя. В Малодербетовском, Сарпинском районах засуху женщины объясняли отсутствием в этих районах действующих церквей, настойчиво требовали их открытия, совершали без разрешения властей службы и обряды на полях. В крестных ходах о даровании дождя летом 1946 г. под руководством монахинь на поля вышли в ст-це Березовской Березовского района – 150 человек, в Руднянском районе: в с. Матышево – до 400 человек, в с. Ушинка – до 150 человек, в с. Б.-Судачье – до 100 человек. В Котельниковском районе в с. Поперечки в конце мая 1949 г. в связи с засухой 40 верующих женщин взяли большую икону и попытались совершить молебен о дожде. Под давлением властей в 1950-х гг. молебны на полях не допускались [1, с. 298].

В середине 1940-х гг. монахини стали инициаторами возрождения народной религиозной традиции совершения молений у целебных водных источников, связанных с поклонением Божьей Матери и Параскеве Пятнице – то есть с женскими святынями. 22 июня 1944 г. возобновлено паломничество к источ-

нику под Урюпинском, где по преданию явилась на дереве чудотворная икона Божьей Матери. В июне 1945–1947 гг. в паломничестве участвовало до 15 тыс. верующих; в 1948–1949 гг. – до 10 тыс. человек, в 1950–1951 гг. – до 7 тыс. человек, в 1952 г. – около 6 тыс. человек из Воронежской, Сталинградской, Ростовской, Саратовской, Тамбовской, Рязанской и других областей, а также из УССР. До 1948 г. производилось шествие духовенства с копией явленной иконы по площади вокруг Покровской церкви и к водному источнику. Ежегодные отчеты уполномоченного о ходе паломничества в Урюпинске констатировали, что подавляющее большинство его участников (95 %) – женщины разных возрастов: от 25 до 60 лет – до 70 %, от 18 до 25 лет – 25 %. Участницами церковного богослужения, как правило, бывали 5–6 «кликуш», из которых изгоняли бесов [4, л. 67–68]. После 1948 г. духовенство вело службы только в церкви. Однако верующие группами по 100–150 человек продолжали посещать водный источник, где явилась икона. На дереве возле родника монахини прибывали литографию-икону. У родника девушки и женщины совершали обряд очищения «святой водой» – брызгали себя водой из родника с целью изгнания бесов, а после этого уходили, закрыв рот платком [1, с. 319; 4, л. 69–70].

В 1945–1949 гг. проходило паломничество в Вязовском районе (современный Еланский район) к источнику и часовне «Чудотворной иконы десятой Пятницы» у стен бывшего Краишевского Тихвинского женского монастыря. Интересно, что после коллективной молитвы верующие устраивали на том же месте коллективный обед, что более соответствовало языческой, чем христианской традиции. В 1945–1952 гг. паломники стекались к источнику Девятой Пятницы у с. Городище. В 1946–1947 гг. в богослужениях, проводимых монахинями у этого источника, принимало участие 500–700 человек, в последующие годы – около 300 [1, с. 320]. Культ св. Параскевы Пятницы в XIX– начале XX вв. был широко распространен на Украине и в селах Нижней Волги, населенных украинцами. Он зачастую соединялся с языческим женским культом Пятницы – покровительницы пряжи и льна, родников с целебной водой [3].

Верующие Клетского, Логовского, Иловинского и Сиротинского районов в 1945–1948 гг. совершали паломничества и службу 21 мая к роднику и часовне «Вознесения Божьей Матери» у стен бывшего Кременского монастыря, а 22 мая – на расстоянии одного километра от монастыря, также около бывшей часовни, где по преданию были похоронены «убиенные» семь братьев-монахов (Клетский район). В июле 1951–1952 гг. в Подтелковском районе на р. Едовле 500 верующих собирались на моления под руководством монахини Набатновой у бывшей часовни чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Паломничество в меньших масштабах, из-за ограничительных действий властей, все же продолжало существовать в 1950-х годах [1, с. 319–321].

Во многих районах Сталинградской области появились юродивые и «болящие», которые в глазах верующего населения являлись «святыми», творили чудеса. Среди них были и женщины. Например, в хут. Алексиково Новониколаевского района появилась парализованная Мария «болящая». Верующие считали ее «мученицей». Она рассказывала посетителям разные притчи и чудеса, призывала посещать молитвенный дом. В хут. Ивановском Новониколаевского района появилась вторая Мария «болящая» – парализованная, которую верующие также считали «мученицей». Вокруг нее группировалась молодежь – девушки, которым она рассказывает о загробной жизни, о чудесах, призывала их молиться Богу [там же, с. 312–313]. Появление и деятельность «болящих», народных целительниц, «кликуш» свидетельствовало о сохранении в крестьянской среде традиций народного православия.

В начале 1950-х гг. православные праздники, несмотря на некоторое снижение численности участников под давлением антирелигиозной пропаганды, все же продолжали оставаться массовыми, многотысячными. Статистические справки уполномоченного за 1946–1953 гг. свидетельствуют о том, что среди верующих, принимавших участие в них, более всего было женщин различного возраста (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ участников). Как правило, оценивая уровень религиозности населения области, уполномоченный подчеркивал, что он более высок в городах, чем в сельских районах. Здесь была выше посещаемость церк-

вей в обычные дни, существовал большой спрос на отправление религиозных треб на дому [7, л. 30]. Процент исполнения религиозной обрядности в Сталинградской области был высок: до 60 % родившихся детей крестили, 60 % похорон также проводили с церковным отпеванием, до 10 % вступающих в брак венчались в церкви [6, л. 15]. Как правило, инициатива в совершении религиозных обрядов принадлежала женщинам – наиболее активной в религиозном плане социальной группе. В 1950 г. в сельской местности даже комсомолки становились крестными матерями для детей своих подруг [1, с. 316].

Высокая активность в исполнении религиозной обрядности женщинами была связана с тем обстоятельством, что именно они преобладали среди членов православных приходов в области в 1940–1950-х годах. Так, Казанскую церковь г. Сталинграда посещали верующие Ворошиловского, Сталинского (Центрального), Дзержинского, Краснооктябрьского, Тракторозаводского районов. Настоятель в отчете указал, что численность прихожан за 1951 г. – 40 тыс. человек, из них говело на Великий пост – 30 тыс. При этом говеющие – преимущественно женщины разных возрастов [11, л. 56]. Несмотря на то что уполномоченный эти цифры считал завышенными в два раза, все же они показывают, что большинство прихожан Казанской церкви – женщины. В Успенской церкви Сталинграда, по отчету благочинного, было 10 тыс. прихожан (говело в 1951 г. 6 500 человек), при этом 95 % молящихся – женщины. Такая же ситуация наблюдалась и в Никитской церкви, где церковная двадцатка и церковный совет на 80 % состояли из женщин – домохозяек престарелого возраста [там же, л. 60]. Такой социальный состав приходов был обычным и для приходов областного и районных центров, сельской местности. В частности, в Никольском молитвенном доме Калача-на-Дону было 5 тыс. прихожан, из них 95–97 % – женщины. Троицкий молитвенный дом в с. Ленинском посещало 800 прихожан из Ленинска, Колобовки, Царева, Солодовки, из них до 90 % – женщины всех возрастов, но преимущественно престарелые [11, л. 62; 13, л. 128].

Таким образом, возрождение и укрепление Сталинградской епархии в 1943–1953 гг. произошло во многом благодаря женщинам, кото-

рые требовали от властей открытия храмов. Именно женщины различного возраста и социальной принадлежности поддерживали восстановление традиционной приходской культуры во главе с духовенством, стали наиболее активной социальной группой в соблюдении православной обрядности, церковного календаря, христианских праздников, организовывали паломничества к наиболее чтимым иконам и водным источникам. С другой стороны, женщины стали той средой, которая сохраняла и народную религиозность – моления на полях о даровании дождя, почитание юродивых, «болящих».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке : сб. док. и материалов: Каталог культовых зданий / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина ; под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград : ГУ «Издатель», 2002. – 536 с.
2. Докладная записка № 43с от 21 июля 1951 г. уполномоченного СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицына Председателю СДРПЦ при ЦК КПСС Г.Г. Карпову о положении и деятельности православной церкви в Сталинградской области в сравнении с 1945–1947 гг. // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 16. – Л. 102–114.
3. Иванов, С. М. Исчезнувшие обитатели: Краишевский Тихвинский женский монастырь / С. М. Иванов // Мир православия : сб. ст. – Вып. 6 / редкол.: митр. Волгогр. и Камышин. Герман (отв. ред.) [и др.] ; ВЕ РПЦ ; ВолГУ. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 399–417.
4. Информационная записка № 39-с от 3 июля 1951 г. «О религиозном празднике в честь “явленной иконы Божьей матери” в г. Урюпинске 21 июня 1951 г.», составленная уполномоченным СДРПЦ при ЦК КПСС по Сталинградской области Косицыным С.Б. для председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 16. – Л. 66–71.
5. Информационный доклад от 5 января 1945 г. «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 4-й квартал 1944 года», составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 2–4 об.
6. Информационный доклад «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 1-й квартал 1945 года» от 5 апреля 1945 г., составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 10–17.
7. Информационный доклад от 17 июля 1946 г. «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 2-й квартал 1946 года», составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 28–35.
8. Информационный доклад № 33с от 2 июля 1948 г. «О положении и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 2-й квартал 1948 г.», составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) по пропаганде тов. М.А. Водолагина // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 66–78.
9. Информационный доклад № 7/с от 12 января 1950 г. «О положении и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 4-й квартал 1949 года», составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 8–22.
10. Информационный доклад № 28/с от 3 апреля 1951 г. «О положении и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 1-й квартал 1951 года», составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 16. – Л. 38–51.
11. Информационный доклад № 10/с от 6 апреля 1952 г. «О положении и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 1-й квартал 1952 года», составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 51–67.
12. Кузнецова, Н. В. Государственно-церковные отношения в 1945–1953 гг. (на материале областей Нижнего Поволжья) / Н. В. Кузнецова // Мир православия : сб. науч. ст. Вып. 6. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 425–444.
13. Отчетно-информационный доклад № 32/с от 13 октября 1952 г. «О положении и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 3-й квартал 1952 года», составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 124–135.
14. Редькина, О. Ю. Власть и Церковь в 1943–1951 гг.: проблема церковной патриотической благотворительности (на материалах Нижней Волги и Дона) / О. Ю. Редькина, С. В. Мордвинов // Власть : общенац. науч.-полит. журн. – 2012. – № 4. – С. 118–121.

15. Редькина, О. Ю. Народная религиозная культура в 1940-х гг.: на примере Сталинградской области / О. Ю. Редькина, С. В. Мордвинов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 1 (21). – С. 38–43.

16. Редькина, О. Ю. Сталинградские благочиния в годы Великой Отечественной войны и восстановительного периода / О. Ю. Редькина // Очерки по истории Волгоградской епархии Русской православной церкви. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 245–286.

17. Список духовенства 1-го благочиннического округа Сталинградской области на 1 июля 1951 года // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 17–20.

18. Справка № 19/с от 2 октября 1947 г. «О положении и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 2-й квартал 1947 года», составленная уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицыным для Председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова // ГАВО. – Ф. Р-6284. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 62–75.

WOMEN AND ORTHODOX REVIVAL IN THE STALINGRAD AREA IN 1943–1953

S.V. Mordvinov

In article the contribution of women of a various social status and ages to the Orthodox revival in the Lower Volga Region in 1943–1953 is shown: participation in the opening of temples, in restoration of orthodox parish life, renewal of pilgrimage to water sources of the region, traditions of keeping folk Orthodox. The author comes to the conclusion that they were women who made the vast majority of believers in the Stalingrad area and the positions of Orthodox Church in the Soviet society became stronger under their influence.

Key words: *women and religion, Russian Orthodox Church, nuns, national Orthodox, pilgrimage to water sources, religious holidays.*